

«Детское чтение для сердца и разума»

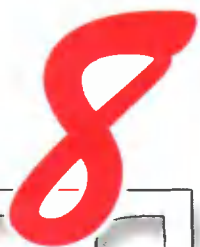
Н.М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

□ 2010 (134)

Детская

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
Пётр Багратион

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Соловушка

ISSN 1684-0895
9 771684 089001 >

Александр Куприн
**Волшебный
ковёр**

Поликсена Соловьёва

(1876–1924)

Орехи

Я недавно видел сам,
Как в оврагах, по лесам
Вам, ребята, для потехи
На кустах растут орехи.
Дни их летние пригрели,
И орехи загорели.
Позапрятались комочком
Под шершавым под листочком
По два, по три, по пяти...
Как бы нам их всех найти!
Подходите ближе, детки,
Я нагну пониже ветки,
Вы же шарьте по ветвям,
Вверх и вниз, и там и сям.
Да смотрите не зевайте:
Белкам меньше оставляйте!
Раздаются крики, смех:
«Вот орех, ещё орех!..»
Ты, малыш, тянись скорее,
Эти рви, что поспелее...
Проглядел внизу опять:
Видишь — три, а рядом пять.
Затолкали вы девчонку...
Тише, сыпьте в рубашонку,
Кто корзин не захватил.
Тот за пазуху набил,
Тот горой насыпал в шапку,
Этот маленький в охапку
Чуть не целый куст схватил,
А сорвать-то нету сил.
Громче крики, звонче смех:
«Вот ещё, ещё орех!..»
Будет! Много есть у всех.
Ну, а те, что здесь останутся,
Белкам рыженьким достанутся.

Жан Этьен Лиотар
Шоколадница
1744–1745 гг.

В номере:

3

Александр Куприн
Волшебный ковёр

13

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Ирина Ненарокова
Михаил Нестеров

17

ИМЕНА
Валентина Коростелёва
Богатырь русской литературы

19

ЖИВОЙ УГОЛОК
Модест Богданов
Соловушка

21

ЧЕСТЬ ИМЕНО!
Юрий Жданов
Пётр Иванович Багратион — «орёл русской армии»

23

ЛИЦЕЙ
Сочиняем лимерики

24

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ
Василий Песков
Живые часы

26

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШ
Владимир Волков
В гостях у... трёх медведей

28

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов
Главный художник
Юрий Коннов
Заместитель главного редактора
Ирина Платонова
Редактор-составитель
Екатерина Рощина
Художественное
редактирование и макет
Татьяна Погодина
Зав. производством
Елена Шевцова
Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Мурашенко
Корректор
Людмила Пономврэнко
Финансовая группа
Елена Петрова
Людмила Дьячкова
Зав. распространением
Ирина Бродянская
Юрисконсульт
Виктор Кудинов
Приёмная редакции
Нина Кошелова
Журнал для детей среднего
школьного возраста
Выходит один раз в месяц
С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения
Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:
72766 — на полгода
71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел. 8 (499) 261-84-61
Факс 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»
(142300, г. Чехов Московской обл.)
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

8'10

Александр Куприн

Художник Г. Мазурин

Когда в доме накопится много старого, ненужного мусора, то хозяева хорошо поступают, выбрасывая его вон: от него в комнатах тесно, грязно и некрасиво. Но есть люди невежественные или невнимательные, которые вместе с отслужившим ветхим хламом не щадят и милых старинных вещей, обращаются с ними грубо и небрежно, бессмысленно портят и ломают их, а искалечив, расстаются с ними равнодушно, без малейшего сожаления.

Им и в голову не придёт, что когда-то, лет сто или двести тому назад, над этими почтенными древностями трудились целыми годами, с любовью и терпением, прилежные мастера, вложившие в них очень много вкуса, знания и красоты, что из поколения в поколение сотни глаз смотрели на них с удовольствием и сотни рук прикасались к ним бережно и ласково, что в их причудливых старомодных оболочках точно ещё сохранились незримо тончайшие частицы давно ушедших душ.

Попробуйте только, взгляните внимательно в эти наивные памятники старины: в резные растопыренные бабушкины кресла, дедовские бисерные чубуки с аметистовыми или янтарными мундштуками, створчатые часы луковицей, нежно отзванивающие четверти и часы, если нажать пуговку; крошечные портреты, тонко нарисованные на слоновой кости; пузатенькие шкафчики, разделанные черепахой и перламутром, с выдвижной подставкой для писания и со множеством ящичков, простых и секретных; прозрачные чайные чашки, на которых густая красная позолота и наивная ручная живопись до сих пор блещут свежо и ярко; резные и чеканные табакерки, ещё не утратившие внутри слабого аромата табака и фиалки; первобытные, красного дерева, клавикорды, перламутровые клавиши которых жалобно дребезжат под пальцем; книги прошлых веков в толстых, тиснённых золотом переплётах из сафьяна, из телячьей или свиной кожи. Приглядитесь к ним долго

и почтительно, и они расскажут вам такие чудейные, затейливые, весёлые и страшные истории прежних лет, каких не придумают теперешние сочинители. Для этого надо только научиться понимать и ценить их.

Да, кроме того, разве все мы не знаем ещё со времён раннего нашего детства, что в давнишние годы встречались иногда, переходя из рук в руки, особенные, замечательные предметы, обладавшие самыми удивительными чудесными свойствами. Кто поручится за то, что все они так-таки совсем навсегда ушли, исчезли из человеческой жизни? Разве мы слышали о том, какая дальнейшая и окончательная судьба постигла все эти сундуки-самолёты, семимильные сапоги, шапки-невидимки, волшебные палочки, магические кольца? Почём знать, может быть, у вас в тёмном и пыльном чулане никому не ведомо валяется сплюснутая и позеленевшая лампа Аладдина? Может быть, та тонкая монета из вашей коллекции, на которой чеканка с обе-

их сторон стёрлась гладко на нет, — это и есть знаменитый неразменный фармазонский рубль? Три года тому назад вы потеряли старенький, истёртый губами и зубами свисток. Теперь вы совсем забыли о нём, но тогда — чего греха таить — ревели часа два подряд. Почём знать — сумеет ли вы в то время, хотя бы нечаянно, свистнуть надлежащим способом, и перед вами, как изпод земли, появился бы целый взвод солдат со знамёнами и пушкой.

Не подумайте, однако, что я хочу угощать вас сказками; вы, я знаю, вышли давно из того возраста, когда верят несбыточному. История, которая сейчас будет рассказана, хотя и не обходится без волшебства, но тем не менее она настоящая, правдивая история, что мог бы вам подтвердить и её главный герой, если бы вы с ним познакомились. Я думаю, что и до сей поры он жив и здоров.

Родился он в Южной Америке, в Бразилии, в городе Сантос. Родители его, французские переселенцы, владевшие кофейной плантацией, были людьми состоятельными и ничего не жалели, чтобы дать своему сыну хорошее образование, что, впрочем, и не было трудно, так как мальчик отличался блестящими способностями. Правда, чрезмерная живость характера и пылкое воображение несколько мешали ему в делах холодной и точной науки. Что же до воспитания, то маленький Дюмон занимался им сам по себе, по своему вкусу и усмотрению. К двенадцати годам он плывал с неутомимостью индейца, ловко управлял парусом, ездил верхом, как гаучос, бестрепетно карабкался верхом и пешком по горным тропинкам, над пропастями, в туманной глубине которых шумели невидимые водопады. Был он также величайшим мастером в постройке и запуске самых разнообразных воздушных змеев; в этом благородном искусстве не было ему равного между сверстниками не только в Бразилии, но, пожалуй, и во всей Америке, если не во всём свете. Он умел придавать своим поднебесным игрушкам форму парящих острокрылых птиц и лёгких стрекоз, и когда они, полупрозрачные, блестящие, едва видимые на солнце, тянули мощными порывами из руки мальчика шнурок, его чёрные глаза, устремлённые вверх, сверкали буйной радостью.

Так он и рос, привольно и беспечно, закаляя ежедневно своё гибкое тело всевозможными упражнениями, обогащая ум и взгляд наблюдениями над роскошной тропической природой, не испытывая пока особенного влечения ни к какому искусству или ремеслу, кроме пускания змеев. Но на двенадца-

том году его ожидала встреча с не совсем обыкновенным человеком, которая нечаянно толкнула его на совсем необыкновенный путь.

Однажды вечером, когда он вернулся домой с рыбной ловли, таща на верёвке связку только что пойманной рыбы, ему сказали, что в патио (внутренний тенистый двор, заменяющий в испанско-бразильских постройках гостиную) находится гость, известный учёный, профессор какого-то немецкого университета. Отдав свою рыбу на кухню, мальчик вошёл в патио и учтиво поклонился незнакомцу. Это был огромный, толстый человек с тоненьким женским голосом, в золотых очках, краснолицый, с мокрой блестящей лысиной, которую он поминутно вытирал пунцовым шёлковым платком. Быстро блеснув стёклами очков на поклон мальчика, он продолжал, не остановившись даже на запятой, начатый рассказ и с этой секунды бесповоротно пленил впечатлительную душу юного бразильянца.

Профессор изъездил весь земной шар и, кажется, знал все земные языки, живые и мёртвые, культурные и дикие. Он только что приехал на пароходе из Мексики, где долгое время изучал жизнь, нравы, обычаи и язык вымирающего племени ацтеков, а теперь направлялся внутрь страны для такого же ознакомления с полудикими ботокудами и совершенно дикими буграми, чтобы впоследствии завершить свою учёную поездку на крайнем юге Америки наблюдениями над обитателями Огненной Земли.

Учёные специалисты обыкновенно бывают самыми скучными, сухими, замкнутыми и надменными людьми на свете. Этот учёнейший профессор оказался прекрасным и неожиданным исключением в их среде. Он говорил охотно, живо, хотя, может быть, и чересчур громко, и — главное — в высшей степени увлекательно. Он обладал удивительной способностью заставить слушателя видеть, слышать, чуть-чуть не осязать тот предмет или лицо, о котором идёт речь. Это искусство не стоило ему никаких усилий: он не искал ни метких слов, ни удачных сравнений, они сами приходили к нему в голову и бежали с языка. Любую вещь, любое явление, о котором он говорил, он умел

повернуть новой, неожиданной и яркой стороной, иногда забавной, иногда трогательной, иногда ужасающей, но всегда глубокой и верной.

Через много лет молодой Дюмон пробовал читать его замечательные книги: они оказались тяжёлыми и скучными даже для специалистов.

Профессор привёз с собой из Европы веские рекомендательные письма, и Дюмон-старший охотно предложил ему в своём доме самое широкое гостеприимство на все те десять или двенадцать дней, которые тот рассчитывал пробыть в г. Сантосе. За это время знаменитый учёный и юный пускатель змеев, к удивлению всех окружающих, сошлись в самой тесной и крепкой дружбе. С утра до вечера они были неразлучны, бродили вместе по городу и его окрестностям, купались, ловили рыбу, мастерили новый, чудовищной величины змей, катались на парусной лодке. В характере профессора сохранилось странным образом много детской живости, а Дюмон-младший являлся для него самым внимательным в мире слушателем. Беседы их нередко бывали очень серьёзны, хотя и облекались в остроанимательные формы. Большею частью они начинались с какого-нибудь необыкновенного предмета, из тех, которыми всегда были полны карманы профессора. Так, например, однажды он извлёк из своего бумажника какой-то плоский, неправильной формы кусочек не то камня, не то изделия из папье-маше вершка в три длину, с одной стороны серо-жёлтый, а с другой — разрисованный в виде ровных полос и ромбов яркими и густыми красками — зелёной и красной. Протягивая эту вещицу мальчику, он спросил:

— Определите, мой молодой друг, что это такое?

— Это? — спросил Дюмон, вертя в руках странный предмет. — Я думаю... камень? Штукатурка? Раскрашенная известька?

— А происхождение?

— Н-не знаю... Это что-то, мне кажется, не южноамериканское, и даже, пожалуй, не европейское. Как чудесно раскрашено! Что же это?

— Это, мой молодой друг, не что иное, как пропитанный цементом толстый слой полотна. А раскрашен он был три с половиной тысячи лет тому

назад, чтобы служить облицовкой стен для гробницы одного из египетских фараонов... Имя его...

За именем фараона последовало описание его личности, его двора и царствования, а затем в волшебном рассказе развернулась, как достоверная история вчерашнего дня, величественная и мудрая жизнь Древнего Египта, с его войнами, религией, домашним бытом, наукою и искусствами. Точно так же профессор доставал из своих бездонных карманов какую-нибудь глиняную древнюю буро-зелёную безделушку — ручку от вазы, обломок серьги, кусочек браслета, и всегда он заставлял её быть живой и красноречивой рассказчицей о старых-престарых временах, лицах и событиях. Для мальчика эти незабвенные часы и эти вдохновенные беседы остались навсегда самым серьёзным и самым пышным воспоминанием детства.

Но дни бежали страшно быстро. Наступил последний вечер; завтра ранним утром профессору надлежало ехать на пароходе в Монтевидео. Друзья — старый и юный — сидели в чисто выбеленной комнатке младшего Дюмона; одна её стена была красна от света пылавшей зари, другая — голубела в тени; из открытого окна лился сладкий аромат апельсиновых деревьев, которые заполняли весь сад бронзовым золотом своих плодов и нежною белизною цветов, так как эти деревья цветут и плодоносят одновременно. Оба друга были молчаливы и немного грустны, немного разочарованы. Им не удался сегодня один весьма интересный для обоих план. Профессор обещал упросить родителей мальчика, чтобы они отпустили его в путешествие на Паранагву и Корепшбу, но мадам Дюмон и слышать об этом не захотела. Она в испуге замахла руками: жёлтая лихорадка, дикие быки и ягуары в пампасах, ночлеги на голой земле, бродячие разбойничьи племена... нет, нет, господин профессор, это вы затеяли не подумавши...

Глаза профессора, никогда не оставлявшие наблюдения, медленно блуждали по тёмному потолку, по голубым и розовым стенам, потом опустились к полу. Вдруг он воскликнул с удивлением:

— Какой странный у вас ковёр. Давно ли он у вас и откуда?

— Право, я не знаю, — ответил равнодушно мальчик. — Кажется, он ещё от дедушки моего папы. Его давно хотели выбросить, но он мне почему-то нравится, и я попросил оставить его у меня. Он ужасно старый. Посмотрите, в некоторых местах протёрся насквозь.

— Но обратите внимание, — возразил восторженно профессор, — он, правда, износился до дыр, однако совсем не утратил первоначальной прелести красок. Они только смягчились от времени и стали оттого ещё благороднее. Позвольте-ка поглядеть мне его поближе к свету.

Ковёр был небольшой, аршина в два с половиной в длину и два в ширину. Мальчик легко поднял его с полу и, перевесив один конец на подоконник, спустил другой через спинку бамбукового стула. Профессор сверх очков водрузил на нос золотое пенсне.

— Расположение цветов, окраска и орнамент несомненно индийского стиля, — говорил он, низко склоняясь над ковром. — Это замечательно старый и несомненно редчайший по красоте экземпляр. Я бы сказал, что он кашемирского происхождения. Персидский узор мельче, однообразнее и не так смел. Ага! Здесь ещё имеется что-то вроде марки, или нет... Это скорее именной знак... а может быть... Подождите-ка... Какая-то парящая птица, не то орёл, не то коршун. Под ним черта с завитушкой... Посох? Жезл? Скипетр?.. Ещё ниже буквы... Представьте себе, арабские буквы!

— Неужели арабские? — спросил, оживляясь, мальчик.

— Несомненно арабские... Странно... На кашемирском ковре не может быть этой арабской вязи. На персидском — да. Неужели я ошибся? Очень жаль, что здесь, на самом интересном месте, дыра. Я могу прочитать ясно только одно слово. Оно произносится по-арабски — тар или тара, что в переводе значит — лечу, лететь... Изумительный ковёр... поразительный!.. Я совсем не удивился бы, если бы мне сказали, что ему лет триста... нет, даже четыреста, даже пятьсот... Восхитительная вещь!

На это мальчик сказал с лёгким поклоном:

— Если он вам действительно нравится, то позвольте его считать вашим. Вы мне этим сделаете большое удовольствие. Я сейчас прикажу завернуть его, и затем как вам угодно? Возьмёте ли вы его с собой или я пошлю его вам домой в Европу?

— Нет, нет, этого совсем не нужно, — вскричал профессор. И затем, выпрямившись и сняв пенсне, он залился громким визгливым смехом. — Очень, очень благодарен, но вы с этой редкостью никогда не расставайтесь. Чёрт возьми! А что, если это тот самый волшебный, летающий ковёр из «Тысячи и одной ночи», на котором когда-то прогуливался принц Гуссейн, а рядом с ним сидели принц Али со своей чудесной подзорной трубкой и принц Ахмед с целебным яблоком? Берегите это сокровище! Подумайте — ковёр-самолёт! Тара! Лечу!

— Ну вот... сказки... вы шутите, — протянул мальчик, немного задетый тем, что ему напомнили о его детском возрасте.

Профессор сразу сделался серьёзным.

— Не пренебрегайте сказкой, мой молодой друг, не отворачивайтесь от неё, — сказал он торжественно. — Ведь вы и сами переживаете теперь упоительнейшую из сказок. Даже не сказку, а, пожалуй, только конец её. А настоящая сказка была лет пять тому назад, в вашем золотом детстве, где всё вокруг вас было сияющим чудом, игрой драгоценных камней на солнце, пением небесных птиц и райским благоуханием. Тогда с вами говорили звери и ангелы, и вашего голоса слушались горы, воды и небо... — Он шумно вздохнул. — А всё-таки мне непонятно, как это попали арабские буквы на индийский ковёр? Или арабский джинн, заказывая его кашемирскому художнику, сам нарисовал пальцем на песке магические знаки: птицу, жезл и волшебное слово?..

Профессор уехал к диким южным племенам, и мальчик точно осиротел. Но, к счастью, в этом возрасте огорчения если и не менее остры, чем у взрос-

лых, зато они гораздо короче: иначе бы ни у одного человека не было самого дорогого в жизни — детства. Прошло время, уменьшилась горечь разлуки, а там и самый образ толстого, тонкоголового учёного стал бледнеть и уходить вдаль, и с каждым днём угасал блеск его сияющей лысины, пока не померк окончательно.

Зато старый ковёр сделался любимой вещью мальчика. Он как будто бы приобрёл в его глазах новую, глубокую, таинственную красоту с тех пор, как учёный коснулся его своими всезнающими пальцами. И часто по вечерам сидел на нём маленький Дюмон с поджатыми под себя по-турецки ногами и глядел на закатное небо, на голубизне которого раскачивались апельсиновые деревья с их жёсткими, тёмными, блестящими листьями, пронизанными оранжевыми шарами плодов и осыпанными белым кружевом цветов.

Незаметно для себя он впадал постепенно в ту тихую полосу рассеянности и мечтательности, которую неизбежно переживают в его возрасте самые жизнерадостные и буйные мальчуганы.

Но вот что однажды случилось.

Мальчик, по своему обыкновению, сидел на ковре, поджав ноги. Указательным пальцем он машинально обводил прихотливый узор арабских букв и, слегка покачиваясь взад и вперёд, напевал слабым печальным голоском на свой собственный мотив всякие слова, какие только приходили ему в голову:

*Маленький мой коврик,
Волшебный старый ковёр,
Таинственный, могучий ковёр,
Создание страшного джинна,
Тара-тара-тар.
Ах, лети, лети, мой ковёр,
Тара-тара-тар.
Высоко к небу, над облаками,
Высоко над землёй,
Тара-тара-тар.
Пусть орёл машет крыльями,
Пусть расстелется ковёр по воздуху,
Рукою мне будет жезл;
Подниму её — полечу кверху,
Опусти — полечу книзу,
Наклонюсь направо — полечу вправо,*

*Наклонюсь налево — полечу влево,
Тара-тара-тар.
Люди внизу маленькие,
Как муравьи.
Дома внизу маленькие,
Как игрушки,
А я один в воздухе,
Тара-тар.
Лечу на волшебном ковре,
Тара-тара-тар.*

И он не очень удивился, когда чёрное изображение парящей птицы вдруг пошевелилось. Правое крыло, дрогнув, стало опускаться вниз, между тем как левое подымалось вверх, и птица сделала полный оборот вокруг своей продольной оси, сначала медленно, затем другой оборот несколько быстрее, потом ещё, и ещё, и ещё, и завертелась бесцветным жужжащим дрожащим кругом. Между тем оба конца ковра плавно сжались и расправились в виде двух твёрдых перепончатых крыльев, а в руке у мальчика очутилась гладкая рукоятка рычага. Он слегка потянул её к себе, и мгновенно расступились, растаяли стены комнаты, весёлый ветер бурно пахнул в лицо, и полетел волшебный ковёр в опьяняющем блаженном стремительном скольжении вперёд и вверх к голубому, пламенеющему небу.

Мгновение, другое — и весь город оказался глубоко внизу, под ногами, очень странный с высоты, плоский и маленький. И теперь было удивительно то, что ковёр уже не летел, а стоял неподвижно в воздухе, а внизу навстречу ему бежали улицы, площади, сады и окрестности; они проскальзывали далеко внизу, под ковром, и торопливо убегали назад, назад. Ветер бил прямо в глаза. Монотонно жужжала вертящаяся птица. Лёгок и послушен был руль в гордой руке. Чуть заметное движение рукоятки вперёд — и ковёр, вздрагивая, устремлялся вниз, а дальняя окрестность горой начинала расти вверх из-под него; движение назад — и всё впереди застилось поднимавшимся вверх обрезом ковра. Стоило едва-едва перегнуть туловище налево, как волшебный ковёр, грациозно склоняясь в ту же сторону, описывал плавную кривую налево; направо — направо. И всё это несложное управление покорной птицей было так просто, так ловко и точно, что его можно было сравнить только с удовольствием плавать в спокойной и слегка прохладной воде.

Но вот уже город давно остался позади. Быстро мелькнули под ковром пёстрые, полосатые заплаты огородов, тёмные курчавые четырёхугольники кофейных плантаций, белые ниточки извилистых дорог, синие ленточки рек. Теперь направо возвышались величественные гряды мохнатых сизых гор, поросших густым лесом, а налево лежала, в извилистых очертаниях берегов, плоская жёлтая, голубая бухта, а в ней крошечные белые и тёмные мошки — парусные суда и пароходы, а ещё дальше густо синело и спокойной стеной подымалось кверху море, упираясь в лёгкое, ясное розово-синее небо.

«Туда! К горам!» — сказал про себя Дюмон.

Ковёр так резко накренился правым боком, делая крутой поворот, что у мальчика сердце точно погрузилось на мгновение в ледяную воду, когда он случайно заглянул вниз, в открывшуюся внезапно сбоку страшную глубину. Но это чувство тотчас же прошло у него, как только ковёр выправился. Теперь горы шли навстречу Дюмону, вырастая вверх и раздвигаясь вширь с каждой секундой, и странно было видеть, как они на глазах подвижно меняли свои очертания. Среди их тёмных густых масс стали видны отдельные скалы, обрывы, расщелины, холмы, круглые зелёные полянки, тонкие серебряные нити водопадов. Можно было наконец различить верхушки деревьев.

«Выше! Ещё выше!» — говорил мальчик, отдаваясь упоению быстрого лёта. На один миг его обдало холодным и сырым туманом, когда ковёр прони-

зал насквозь малое облако, зацепившееся за гребень горы, и быстрым победным лётom взмыл выше всей горной цепи над пустынным безграничным плоскогорьем, которое зелёной покато́й равниной простиралось к западу. Солнце, скрытое раньше громадами гор, радостно бросило в лицо Дюмону свои золотые, смеющиеся, ласковые стрелы.

Он до тех пор подымался над горной цепью, пока она не осела глубоко вниз, не расплющилась и не обратилась в плоскость, как и весь круг горизонта, похожий теперь на ровную географическую карту. Тогда Дюмон повернул к югу, к океану, который в своей неопиcуемой величавой красоте уходил в беспредельную, необъятную даль.

И скоро никого и ничего не стало — не стало на всём свете; было только: сверху светло-голубое небо, внизу — чёрно-синий океан, а посредине — между ними — очарованный, опьянённый буйным весёлым ветром мальчик. Даже и его не было, то есть не было его тела, а была только душа, охваченная молчаливым и блаженным восторгом, воистину неземным восторгом, потому что ни на одном языке никогда не найдётся слов для того, чтобы его передать.

Но... где-то близко залаяла собака... раздалось щёлканье бича... загремели отворяемые ворота... лошадь застучала копытами. Мальчик глубоко вздохнул. Он по-прежнему сидел в своей белой комнате на ковре, и, как раньше, трепетали за окном ровным, глянцеви́тым блеском плотные листья апельси́нных деревьев.

Что с ним было? Спал он или так всецело ушёл в свои мечты, что позабыл на минуту о действительности? На это я не могу ответить. Это — сказка.

— Сказка? — спросят меня. — А где же приключения? Встреча с великаном? Царевна в башне? Добрая фея? Самоцветные камни? Счастливая свадьба?

На это я скромно возражу:

— Попросите когда-нибудь знакомого авиатора взять вас с собою на полёт (только раньше спросите разрешение у родителей и дайте доктору прослушать ваше сердце и лёгкие). И вы убедитесь, что все чудеса самой чудесной из сказок — пресная и ленивая проза в сравнении с тем, что вы испытываете, свободно летя над землёй.

Теперь последнее слово о Дюмоне. В конце девяностых годов девятнадцатого столетия братья Райт, американцы, заявили о своём первенстве в свободном полёте на аппарате тяжелее воздуха, продержавшись над землёй в течение пятидесяти девяти секунд. Но право их на первенство сомнительно, так как они, в сущности, не летали, а скользили, планировали, подобно брошенному из окна третьего этажа картонному листу. Первый настоящий полёт, мы думаем, совершил всё-таки несколько месяцев спустя Сантос Дюмон, очертивший на своём аэроплане «*Demoiselle*» изящную восьмёрку между двумя парижскими вершинами — башней Эйфеля и собором Парижской богородицы.

Надо сказать, что к этому времени он окончательно забыл о волшебном ковре с арабской надписью и о своём сказочном полёте. Но есть, однако, в этом удивительном аппарате, в человеческом мозгу, какие-то таинственные кладовые, в которых, независимо от нашей воли и желания, хранится бережно всё, что мы когда-либо видели, слышали, читали, думали или чувствовали — всё равно, было ли это во сне, в грёзах или наяву.

И вот, когда Сантос Дюмон, закончив свою блестящую воздушную задачу, повернул аппарат и стал возвращаться обратно, к ангарам, то его осенила странная, тревожная, впрочем, очень многим знакомая мысль:

«Но ведь всё это было со мною когда-то!.. Давным, давным-давно. Но когда?»

1919 г.

Михаил Нестеров

Всю свою долгую, восьмидесятилетнюю жизнь этот художник изучал и воспевал человека. В тридцать лет и в семьдесят — во все периоды творчества Нестеров ставил человека в центре своих творений. Художник интересовался самыми непохожими людьми, будь это монах, студентка, учёный, артистка, интересовался их внутренней жизнью, причём в разные годы по-разному. Идя за художником именно по этому пути, пути познания человеческой личности, лучше всего можно понять его творческую биографию, его стремление ответить на самые волнующие вопросы века.

Родился он в Уфе в мае 1862 года, в купеческой семье. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, отец привёз его в Москву и определил в реальное училище К.П. Воскресенского. Нестеров говорил: именно этому человеку, первым заметившему и поддержавшему его страсть к рисованию, обязан

Автопортрет. 1928 г.

Видение отроку Варфоломею. 1889–1890 гг.

Труды Преподобного Сергия. Триптих. 1896–1897 гг.

он тем, что стал художником. С 1877 года по 1886 год юноша учился в Московском училище живописи у В. Г. Перова. Ненадолго уезжал в Петербург, в Академию художеств, но потом снова вернулся в Москву: сухой академизм Петербурга был ему чужд. Перова Нестеров любил несказанно. Перенял у него ясность художественного языка, требовательность к себе во всём, глубочайшую любовь к народу.

Молодой художник восхищался Рембрандтом, Ван Дейком, Веласкесом. Из современников ему были близки Суриков, В. Васнецов и больше всех Левитан. Вдвоём с ним Михаил Васильевич даже хотел создать своё собственное то-

варищество, так как оба стояли особняком и в «Мире искусства», и в Товариществе передвижников. Смерть Левитана помешала осуществлению их замысла.

В первой половине 80-х годов Нестеров помещает на ученических выставках картины бытового жанра, но даже успех не приносит удовлетворения. В 1884–1886 годах он всё больше склоняется к исторической теме, к допетровской Руси. Запоем читает исторические труды Забелина, Карамзина.

В 1886 году Нестеров окончил училище. В том же году он потерял жену. Смерть жены явилась переломным моментом, по словам Нестерова, духовно

переродила его и вызвала к жизни такие картины, как «Пустынник», «Видение отроку Варфоломею» и другие.

В 1889 году Нестеров выставляет своего «Пустынника». Картина имела огромный успех, была куплена П. М. Третьяковым и навсегда закрепила за художником одно из ведущих мест в русской живописи. На деньги, полученные за картину, Нестеров впервые уезжает за границу учиться у великих мастеров.

Пустынник — один из тихих, умиротворённых людей, которые казались тогда художнику воплощением доброй народной души. Нестеров старается подчеркнуть их полное слияние с

природой, полное успокоение вдали от мирской суеты. Таков же, например, «Отшельник» (1890 г.). Позднее художника начинают интересовать образы людей, которые ищут истину, правильный путь в жизни и, если не находят этого пути, страдают: «На горах» (1896 г.), «Думы» (1900 г.).

Тема нравственных исканий вообще одна из основных в русском искусстве второй половины XIX века. Достоевский, Лесков, Мельников-Печерский выдвинули эту проблему. Толстой выступает с проповедью нравственного самосовершенствования. Часть интеллигенции, оказавшись в период становления капитализма перед лицом неведомых яв-

Философы. 1917 г.

лений, искала новые пути и обратилась к религии. Нестеров, этот большой талант, шёл в исканиях своим путём, порой очень трудным. С 1890 по 1895 год он, увлечшись возможностью возродить забытое национальное искусство Дионисия и Рублёва, расписывал вместе с В. Васнецовым Владимирский собор в Киеве. Иногда на первый план у художника выступала отвлечённая религиозная идея, но в конечном счёте интерес к жизни, к человеку всегда брал верх.

В начале своего творчества Михаил Васильевич почти не писал портретов. С 1905 года портрет и пейзаж входят в его

творчество как самостоятельные жанры. Художник отказывается от условности в изображении людей, свойственной иконописи, и в то же время стремится к философскому обобщению образа. В 1907 году он пишет портрет Л. Н. Толстого.

После 1907 года художник, под влиянием общественных событий, возвращается к религиозным темам. Нестеров снова принимается за роспись храмов и церквей. Работа эта оканчивается в 1914 году.

Его избирают действительным членом Академии художеств.

С начала 20-х годов и до конца жизни все наиболее значительные работы художник делает в жанре портрета. Нестеров — непревзойдённый портретист.

Нестеров с огромным мастерством показывает своих героев в момент творческого раздумья, раскрывает силу человеческого интеллекта. Перед нами незабываемые образы людей-творцов.

Долгая, насыщенная жизнь Нестерова оборвалась в октябре 1942 года. Перед смертью он оставил напутствие юному поколению в статье «К молодёжи»: «Крепко желаю вам, чтобы вы познали природу и её украшение — человека... Учиться можно не только в школах, академиях, у опытных учителей, можно и должно учиться всюду и везде, в любой час...»

Молчание. 1903 г.

Богатырь русской литературы

Валентина
Коростелёва

ИМЕНА

Александр Иванович Куприн — едва ли не самая колоритная фигура в русской литературе. По его биографии можно смело снимать приключенческий фильм — настолько богата была его жизнь событиями.

Родился он в семье пензенского чиновника в 1870 году и уже через год потерял отца. Его мать Любовь Александровна осталась без средств к существованию. Саша заканчивает за казённый счёт Александровское сиротское училище, затем кадетский корпус и, наконец, Александровское военное училище. В возрасте двадцати лет поступает на военную службу в Днепровский пехотный полк, располагавшийся на Украине. Однако служба явно тяготит его, и через четыре года Александр Куприн перебирается в Киев, где пробует себя в журналистике. По-видимому, именно тогда почувствовал он вкус слова. Однако средств не хватало, и в эти годы он приобретает несколько профессий. Это и чисто бумажная работа в конторе, и столярная — при заводе на Донбассе; а ещё побывал рыбаком, охотником, чернорабочим, а также управляющим имением, псаломщиком и, наконец, суфлёром в театральной группе. А журналистика всегда шла рядом.

А. И. Куприн

Юнкера Александровского военного училища. Начало XX века

1

2

1. Л. А. Куприна, мать Куприна

2. Кадет Куприн

3. Семья Куприных

4. А. И. Куприн в группе сотрудников «Русского богатства»

В эти же годы Куприн знакомится с Антоном Павловичем Чеховым. В конце 1901 года он приезжает в Москву, где знакомится с такими корифеями пера, как Иван Бунин и Леонид Андреев, а вскоре перебирается в Санкт-Петербург и становится заведующим отделом в «Журнале для всех», а позднее в популярном издании «Мир Божий». В 1903 году издательство «Знание» выпустило первую книгу его рассказов.

Как писателя Россия признала Куприна после появления повести «Молох», в которой главный герой не принимает окружающую жизнь из-за её грубости и жестокости. А дальше — поэтичная повесть «Олеся», где автор с любовью пишет о природе Полесья и людях, сохранивших в себе её чистоту и красоту. Событием стала и повесть «Поединок», которую отметил Лев Толстой.

В особом ряду стоят рассказы и повести о любви, где глубокие, искренние чувства героев подкрепляются нежнейшим и благороднейшим языком писателя. «Вспо-

минаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания...» — так в «Гранатовом браслете» мелкий чиновник Желтков пишет княгине Вере. Известны и его детские рассказы и сказки, которые — тоже о любви: к природе, к населяющим её зверям и птицам, к домашним питомцам. Это «Белый пудель», «Слон», «Храбрые беглецы» и другие. Талант Куприна был поистине многогранен.

Вольнолюбивый характер Куприна, его прямота, экстремальные ситуации, в которые он постоянно попадал, не раз приводили его к нервным срывам и серьёзному физическому недомоганию. И божеское провидение послало ему ангела-хранителя в лице гувернантки его дочери, в которую он влюбился со всем пылом своей души. Её звали Лиза Гейнрих. Она сумела наладить его быт, уговорила отправиться на лечение в Финляндию. И это благодаря ей Александр Иванович вернулся к творчеству и поз-

3

4

нал наконец, что такое покой семейной жизни.

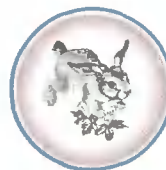
Росла его писательская известность, и в 1909 году Куприн был выдвинут и стал лауреатом Пушкинской премии.

Неуёмная натура Александра Ивановича требовала приключений, и вскоре вместе со знаменитым пилотом Уточкинским он совершает полёт на воздушном шаре. Войдя во вкус, он опускается в скафандре под воду, а в ноябре 1910 года совершает полёт на аэроплане вместе с известным силачом Заикиным. На следующий год предпринимает длительное путешествие по Европе, в конце которого пишет дочери: «Я теперь за границей, которая — гадость. Никогда больше не поеду. Дорого, скучно, жарко, и всё...» Поистине, такой могучей русской натуре, как Александр Иванович, Европа, ухоженная и дисциплинированная, и не могла понравиться.

А судьба уже готовила поистине серьёзные испытания. Осенью 1919 года Гатчина под Петербургом, где жил писатель, была занята войсками Юденича, но вскоре освобождена Красной Армией. За войсками потянулись беженцы, к которым присоединился и Куприн с семьёй, и летом следующего года он нашёл пристанище в Париже.

Эмиграция для такого человека, как Куприн, могучего прежде всего русским духом, стала годами тоски и нужды. И хотя его по-прежнему оберегала, становилась моральной опорой худенькая женщина — его жена, Александр Иванович не видел будущего в такой жизни. А на родине в 30-е годы его книги издавали огромными тиражами — особенно «Поединок», «Гранатовый браслет», «Олеся»... Но только через 18 лет Куприны получили разрешение на въезд в Россию. В Москве уже очень больного Александра Ивановича встретили почитатели его таланта и старые друзья. Далее — Ленинград. Но силы были подорваны, здоровье подточило полуголодное существование на чужбине, и вскоре, а именно 25 августа 1938 года, Александр Иванович Куприн ушёл из жизни и был похоронен в северной столице на мемориальном кладбище «Литераторские мостки». Однако живы его замечательные книги, воплотившие идеалы Куприна о достойной и нравственной жизни. И потому он навсегда с нами.

Модест Богданов
Художник О. Панкратова

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Соловушка

Всё, что спало долгим зимним сном, просыпается, вылезает из норок, снимает свою зимнюю шубку, чистится, наряжается и выходит на свет Божий погреться, пообсушиться, посмотреть на солнышко. Да, вес-

ной жизнь сказывается на земле во всей её полноте. Лезут травки из оттаявшей земли, лопаются почки на деревьях, пробуждаются насекомые — жучки, бабочки, мушки, вылезают из нор зверьки, спавшие глубоким сном. Возвращаются с далёкого юга последние птицы на родину.

Как и всегда, воспоминания переносят меня на берега Волги. Давно это было. Несколько гимназистов сговорились читать всю ночь, чтобы подготовиться к экзамену из истории. Добыли мы сальный огарок и по очереди читали по учебнику о походах Александра Македонского. Как ни заняты были геройские подвиги Македонского, но господин сон был ещё занятнее. Поминутно то один, то другой клевал носом, так что тец даже рассердился. Чтобы помочь горю, открыли окно; но тут-то и стряслась беда: хлынул майский воздух в комнату, освежил сонные мордашки, но не помог нашему горю, а только испортил дело.

Со струями свежего воздуха прилетел аромат цветущих яблонь и груш. Пронеслись чудные звуки соловьиной песни. Сон улетел.

Переглянулись «историки». «А не пройтись ли на Волгу?» — сказал один из них тихо. Предложение было заманчиво, никто не спорил, и если бы сторож проснулся, то заметил бы, как через стены пансионского двора перелезло несколько «обезьян» в курточках и в шапках с красным околышем.

Это была одна из лучших ночей, какие я только помню. Утренняя зорька едва загорелась, в воздухе стояла полнейшая тишина. Было чуть-чуть свежо, но не холодно. Симбирск спал глубоким сном. На соборе, на гладкой поверхности Волги отражались первые отблески зари. Весь крутой склон к Волге белел как от снега; то цвели яблони непрерывных садов, окаймлявших симбирскую гору.

Узкой тропинкой спустились мы до небольшой площадки, раскинувшейся на половине горы. Среди цветущих яблонь на лужайке стояла убогая хижина, словно сказочная избушка на курьих ножках.

— А что, братцы, разбудим-ка приятеля Савельича.

— Разбудить так разбудить, — отвечали другие.

И вот мы отправились гуськом за стариком и Александровым.

Молча следовали мы за вожакими по садовым тропинкам, между яблонь и груш, спускались под гору, перелезали через заборы, карабкались снова на гору. Наконец старик остановился.

— Ну, команда, садись. Уговор — ни гугу!

Мы уселись и стали ждать. Ночь была чудно хороша. От запаха цветущих яблонь чуть не кружилась голова. То там, то тут раздавались песни соловьёв, и только одних соловьёв. За Волгой кое-где мер-

цали огоньки рыбацких костров. Утренняя зорька румянила уже восточный край неба. Всё, всё это было чудно хорошо, но бессонная ночь сказывалась. Знаменитый соловей ещё молчал, а уж некоторые его слушатели клевали носом. Не дремал только Александров. С напряжённым вниманием смотрел он в кусты крыжовника, где скрывался певец, и вот наконец, как мне показалось тогда, над самым моим ухом раздался первый звук соловьиной песни. Куда девалась моя дремота! За первым звуком последовал другой, третий, и полилась, как поток, чудная мелодия. Как описать эту песню! Как рассказать, что я слышал, что я испытал тогда!..

То, что я слышал в эти минуты, не поддавалось суждению; но мы все были очарованы, поражены полнотой, свежестью звуков, силой музыкальной мелодии. Наконец соловей замолк.

— Ну что? Он, что ли? — раздался голос Савельича.

— Он, он, молчи, дедушка! — скороговоркой ответил Александров.

— Чего молчать, пойдёмте домой. Пугать попусту нечего; приходи скорей ловить добрым порядком.

Мы снова двинулись той же дорогой. Поднявшись наверх, точно по уговору, все уселись, чтобы перевести дух. Чудная картина раскинулась внизу перед нами. Румяная зоря осветила розовым светом красавицу Волгу. Широко разлилась она на луговой стороне. Десятки плотов с красивыми домиками, вперемежку с судами, тихо спускались вниз по течению. Острова и луга были залиты водой, и только высокие гривки как громадные пятна выступали на зеркальной поверхности реки.

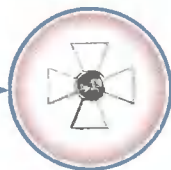
1884 г.

Пётр Иванович БАГРАТИОН –

«орёл русской армии»

ЧЕСТЬ
ИМЕЮ!

Юрий Жданов

«Я на всё решусь, чтобы только ещё иметь счастье видеть славу России, и последнюю каплю крови жертвую её благосостоянию».

П. И. Багратион

Пётр Иванович Багратион (1765–1812) — русский полководец, генерал пехоты, лучший ученик и сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, участник крупных войн, Герой Отечественной войны 1812 года, любимец солдат и офицеров — завоевал всеобщее уважение и высочайшие оценки современников и потомков. Солдаты любили Багратиона, называли его отцом за доброе отношение к ним, а за боевую славу называли «орлом» и «львом». Свою необычную фамилию объяснял так: «Бог-рать-он» — он и бог, он и рать. Перед битвой Багратион обращался к войскам со словами: «Я всегда с вами, а вы — со мной».

Багратион родился 10 июля 1765 года, детство провёл в российском городе Кизляре, куда в 1766 году переехали его родители из грузинского княжества Иверия. Он происходил из древнего рода грузинских царей. В семье Багратионов мужчины нескольких поколений были военными. Юный Пётр Багратион в 1782 году начал военную службу рядовым в Астраханском пехотном полку. Первый боевой опыт он приобрёл в 1783 году на территории Чечни во время восстания горцев. Тяжело раненный в бою, он был оставлен на поле сражения как убитый, но чеченцы спасли его, из признательности к отцу, оказавшему им в своё время какую-то услугу,

П. И. Багратион. Неизвестный художник. 1830-е гг.

доставили в русский лагерь без выкупа. В Астраханском пехотном полку он прослужил до 1792 года, получив в итоге чин капитана, а за тридцать лет воинской службы прошёл путь от рядового до генерала.

В Итальянских и Швейцарских походах Суворова 1799 года он командовал авангардом союзной армии. Именно здесь он прославился как превосходный генерал, умело сочетающий стратегию и тактику. Александр Васильевич Суворов не скрывал своего особого уважения и доверия к Багратиону, ласково по-отечески называя его «мой князь Пётр», подарил ему шпагу, с которой Багратион не расставался до конца своих дней. Участвовал Багратион и в войнах против Франции 1805–1807 годов, в русско-шведской войне 1808–1809 годов, в русско-турецкой войне 1806–1812 годов. А в Отечественной войне 1812 года он командовал 2-й Западной армией, на долю которой выпала важная роль в разгроме врага — прикрывать московское направление. Наполеон в Бородинском сражении намеревался прорвать оборону русской армии, обойти её левый фланг (на котором стояла армия Багратиона), отрезать русские войска от Москвы и принудить правительство России к капитуляции. Его армия своими главными силами несколько раз безуспешно пыталась про-

рвать оборону русских на главном направлении — на Курганной высоте (где стояла батарея Раевского) и в зоне расположения армии Багратиона, занимавшей одну из ключевых позиций около деревни Семёновское. В результате жесточайших сражений у Семёновских укреплений (так называемые Багратионовы флеши) план Наполеона был сорван.

Но для самого Багратиона это сражение оказалось последним: осколок французской гранаты раздробил ему кости голени

зя Б. А. Голицына — в село Симы (в 30 километрах от города Юрьева-Польского) Владимирской губернии. Спустя 17 дней после ранения, 24 сентября 1812 года, он скончался от гангрены и был похоронен в этом селе.

В 1839 году по инициативе поэта-партизана Д. В. Давыдова прах Багратиона перенесли на Бородинское поле.

Своим богатым опытом ведения смелых манёвров в самых тяжёлых сражениях Багратион обогатил военное искусство.

Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле. Художник А. Велхвадзе. 1948 г.

левой ноги. Полководца сняли с коня, и он продолжал руководить своими войсками, пока не потерял сознание. Дальнейшее руководство армией Багратиона М. И. Кутузов поручил генералу Д. С. Дохтурову. Раненого Багратиона вывезли с поля сражения в лазарет. От предложенной врачами ампутации ноги он отказался. На следующий день в своём донесении царю Александру I о сражении он упомянул о ранении: «Я довольно не легко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости; но нималейше не сожалею о сем, быв всегда готов пожертвовать и последнею каплею моей крови на защиту отечества и августейшего престола...»

Тяжело раненного Багратиона перевезли в имение его друга и родственника кня-

Многие писатели и художники запечатлели его образ в своих произведениях, копии его портретов были в то время чуть ли не в каждом дворянском доме и крестьянской избе.

В Москве в 1999 году возле Кутузовского проспекта установлен бронзовый скульптурный памятник Багратиону работы известного грузинского скульптора Мераба Мерабишвили: скачущий на горячем коне полководец взмахом клинка призывает полки к атаке. На памятнике надпись: «Петру Ивановичу Багратиону благодарное Отечество».

Жизнью этот великий полководец подтвердил верность своего же высказывания: «Счастье всегда на стороне отважного».

Сочиняем ЛІМЕРИКИ

В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ ЕСТЬ ГОРОДОК ЛІМЕРИК. ТАМ ЖИЛИ КОГДА-ТО БОЛЬШЕ ФАНТАЗЁРЫ. ОНИ ПРИДУМЫВАЛИ СТИШКИ-ПОТЕШКИ В ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ — ЛІМЕРИКИ. В КАЖДОМ СТИШКЕ СЛУЧАЕТСЯ ЧТО-ТО СМЕШНОЕ, ГЛУПОЕ, НЕЛЕПОЕ.

ПРАВИЛА ЛИМЕРИКА:

1. Стишок состоит ровно из четырёх строчек.
2. Порядок рифм такой: аа(бб)а — то есть в третьей строке обязательная внутренняя рифма.
3. В первой строке нужно непременно указать, с кем мы имеем дело, кто герой и откуда он или где происходит событие (адрес может быть и настоящий, и выдуманный).
4. А дальше — произвольно, скажем, во второй строке что-то говорится о герое, в третьей он совершает свой «героический» поступок, а последняя строка часто повторяет первую слово в слово, но может и не повторять.

Например:

Кто? Откуда?

Один ученик из Калуги (а)

Чем отличался?

Имел боевые заслуги: (а)

Что сделал?

В калошу папаше налил простоквашу
(бб)

Кто? Откуда?

Один ученик из Калуги. (а)

Один ученик из Некрасовки
Купил себе серебристые кроссовки.

Удивил он нас: записался
в спортивный класс

Один ученик из Некрасовки.

А вот какие лимерики сочинили 12-летние москвички, ученицы школы № 1830 Алла Гебоян и Карина Беркат.
(Педагоги — Е. А. Маханова, А. А. Сидоренко)

Дачные лимерики

У леса живут на опушке
Весёлые три хохотушки.
Отлично живут, и песни поют,
И пляшут в лесу на опушке.

Однажды порою весенней
Мне вдруг повстречался Есенин.
Я так удивился, что в лужу свалился
Однажды порою весенней.

На нашем Малаховском рынке
Купить молока можно в крынке,
А можно и в банке, а можно и в склянке
У нас на Малаховском рынке.

Однажды наш маленький Сончик,
Ужасно похожий на пончик,
Пошёл на прогулку с огромной булкой.
Таков был наш маленький Сончик.

Живые часы

Василий Песков

ЗЕЛЁНЫЙ
ПАТРУЛЬ

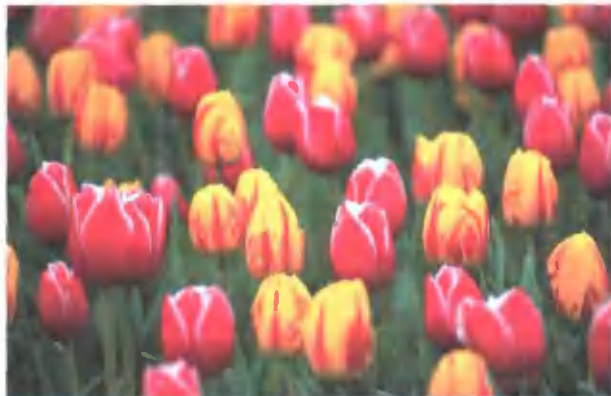

Большие скорости самолётов дали нам возможность остро почувствовать существование в живом организме «биологических часов». Кто летал из Москвы на Камчатку или в Хабаровск, знает: несколько дней человек чувствует себя пришибленным; ночью не спится, днём же ноги еле волочишь — хочется спать. Суть явления в том, что организм некоторое время живёт по внутренним часам, не совпадающим с наступлением дня и ночи на новом месте.

О том, что всё живое как-то чувствует время, замечено было давно. Например, разные цветы в саду раскрывают нарядные венчики в разное время. Карл Линней для наглядности устроил даже цветочную клумбу у себя под окном и довольно

точно, забавляя друзей, по цветам определял время.

Примером живых часов могут служить и птицы. Не в такие уж далёкие времена, когда в избах ничто не тикало, в деревнях люди определяли ночное время по пению петухов, договаривались, например: «Выйдем с первыми петухами». Орнитологи, знающие птичьи голоса, по ним могут определять время после полуночи. Во втором часу подают голоса соловьи и лесной конёк юла. За ними около двух часов начинает петь дрозд. После двух — кукушка. Три часа — время чёрных дроздов и крапивника. Большая синица начинает тенькать в половине четвёртого. Четыре часа бьёт в лесу пёстрый дятел, и начинают петь зяблики. Дольше всех любят по-

спать воробьи. Зато сразу же (в пять часов), радуясь солнцу, чирикают хором, да так ладно, так громко, что кажется, есть у них дирижёр.

Пример с растениями говорит как будто о том, что время раскрытия цветка связано со степенью освещённости солнцем. Но петуху-то ничего не светит. И соловью тоже. Значит, есть какие-то внутренние часы. Присмотрелись поближе к растениям и обнаружили: мимоза, например, расправляет свои листья в урочный час даже и в темноте — опять аргумент в пользу «внутренних часов».

Стали подвергать экспериментам самого человека. Оставляли увлечённых работой людей надолго в изолированных от солнечного света лабораториях и в пещерах, разумеется, без часов — «определяйте сами, когда спать, когда бодрствовать». И что же — суточные ритмы сохранялись: биологические часы срабатывали. Правда, накоплялось и искажение — сутки становились длиннее в среднем на один час и за время сидения в пещере месяц как бы становился короче на один день. Чувство это было настолько стойким, что только предъявление ежедневной газеты с обозначенной датой убеждало «пещерцев» в том, что внутреннее исчисление времени дало сбой.

О том, что «внутренние часы» нуждаются в «подзаводке» привычными для организма ритмами смены ночи и дня, говорит опыт полярных зимовок и высокоширотных экспедиций летом. Зимовщики антарктической станции «Восток» рассказывали мне, что непрерывная полярная ночь, помимо всего прочего, расстраивает сон. Отсутствие световых ритмов также плохо влияет и во время непрерывного летнего дня.

Всё живое находится в море ритмов, создаваемых на Земле космическими силами. Модная нынче астрология, не имеющая ничего общего с наукой, вовлекает в мистические толкования судеб, характеров и даже житейских маленьких происшествий расположение далеко удалённых от нас планет. Верящих в это разубеждать бесполезно. Но что касается Луны и Солнца, то их влияние на всё сущее на Земле очевидно и легко доказуемо. Ритмы день — ночь, зима — лето, прилив — отлив, заход — восход, существенные для жизни сами по себе, имеют следствием и множество других ритмов: биение сердца, ритм шага, танца, накат на берег волны, капель сосулек, качание маятника...

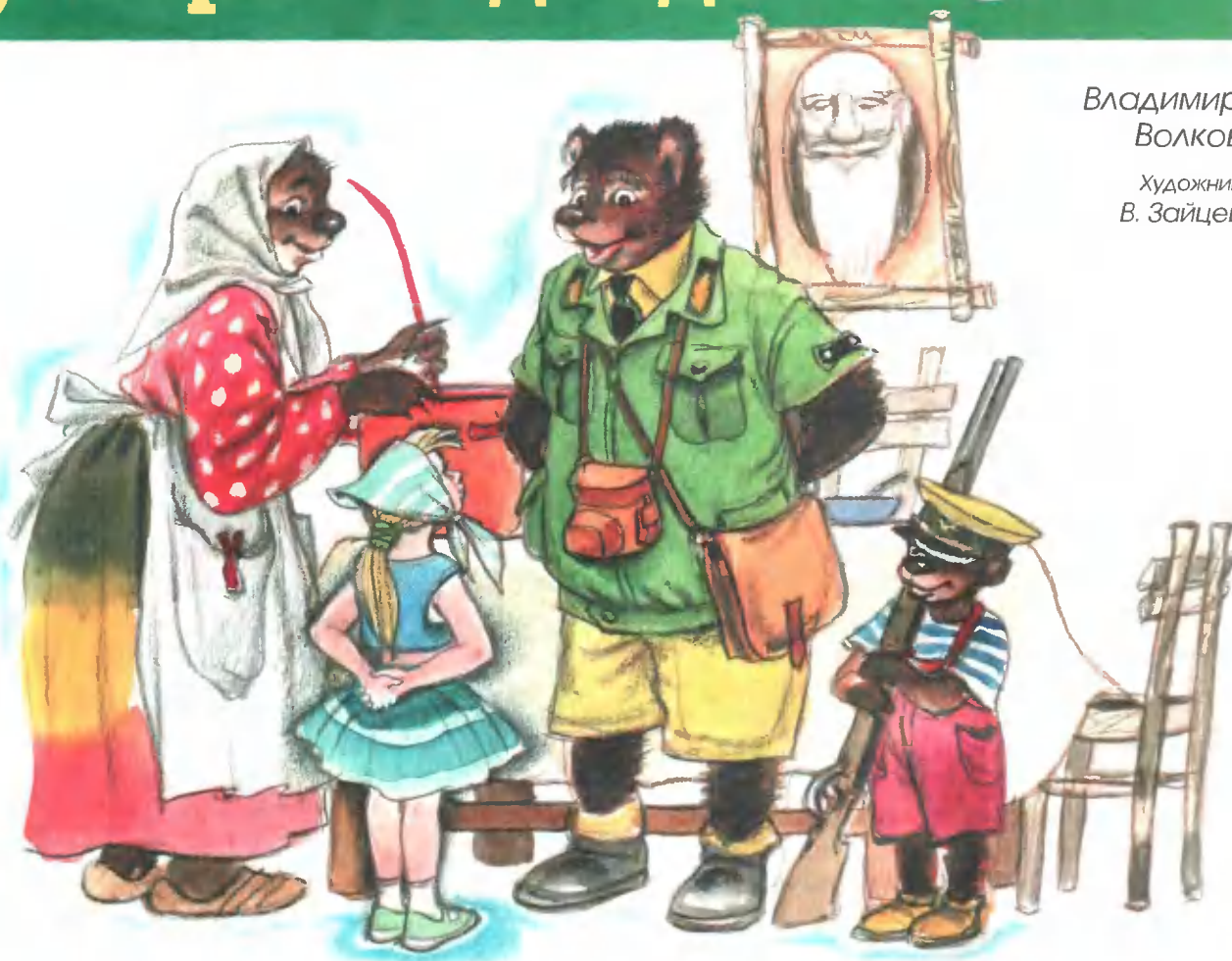
В гостях у... трёх медведей

СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
И БРАТИШЕК

Владимир
Волков

Художник
В. Зайцев

Маша читала перед сном сказку Толстого «Три медведя». Но тут в комнату вошла мама. «Спать пора!» — и погасила свет. «Ну и ладно, я эту сказку наизусть знаю», — повернулась к стене и закрыла глаза. «Стала девочка искать дорогу домой, да не нашла, а пришла к дому... Дверь была отворена, — шептала Маша, — была отворена...»

И Маша вошла в тот дом. И вдруг — откуда-то сверху по перилам прямо к её ногам скатился медвежонок. Оглядел её и закричал тонким голосом:

— Мама! Ещё одна девочка заблудилась!

Медвежонок взял Машу за руку и повёл её в комнату. А там — медведица в белом платке и фартуке.

— Как тебя зовут, девочка? — спросила медведица.

— Маша.

— А моё имя помнишь?

— Помню, конечно, помню... Настасья Петровна!

— Правильно... Да ты проходи, не бойся. Мы как раз обедать собираемся. На столе стояли три чашки с похлёбкой.

— А я знаю, чьи это чашки... — осмелела Маша. — Вот эта маленькая, синенькая, — Мишуткина, а эта, побольше, — ваша, а эта, самая большая, — Михаила Ивановича.

Только она это сказала, как дверь открылась, и в столовую не спеша вошёл Михаил Иванович. В зелёной куртке с большими карманами.

— Так это твои следы я на дороге видел? Откуда будешь?

— Из Василькова. Я на каникулы к бабушке приехала.

— Ну, это недалече. Проводим тебя, не волнуйся. Только сначала победать надо. Ты, поди, из Мишуткиной чашки хлебать будешь? А? Ну-ка, сынок, напомни нам, как там в той сказке? У Льва Николаевича. — И кивнул на большой портрет Толстого, который висел над столом.

Мишутка вытянулся, как у доски на уроке, и с выражением прочитал:

— Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки, потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки, потом взяла маленькую ложку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Все рассмеялись. Улыбнулся и Лев Толстой. На портрете.

— Той девочке из сказки и стульчик мой больше всех понравился, — сказал Мишутка. — А тебе, Маша?

— И мне тоже.

Мишутка отодвинул от стола свой стульчик:

— Садись, пожалуйста.

Сначала они ели похлёбку, а на второе — рассыпчатую картошку.

— Вот так и живём, Машенька... Я в лесниках тут состою, — рассказывал за обедом Михаил Иванович, — с разными нарушителями лесного порядка воюю: кто костры жжёт, птиц, зверей обижают... А Настасья Петровна хозяйством занимается, травы, ягоды собирает — малину там, цвет липовый — и в аптеку сдаёт, чтоб, значит, люди в городах меньше хворали... А Мишутка у нас в лесной школе учится. Отличник! Ну, а теперь в самый раз соснуть, — сказал Михаил Иванович и встал из-за стола.

— А мы с Машей спать не будем! — заявил Мишутка. — Мы пойдём на качелях качаться!

Верёвка была привязана к макушкам двух самых высоких сосен. У Маши дух замирал, а Мишутка раскачивал качели всё сильнее. И вдруг качели так высоко взлетели, что они не удержались на доске. Ветер подхватил их и понёс над лесом. Хорошо, рядом проплывало белое мягкое облако. Они уселись на нём, как на диване.

— Облака, облака, — пел Мишутка, — белогривые лошадки.

— Облака, облака, — пела Маша, — куда мчитесь без оглядки?

Друзья сидели на краю облака, болтали ногами и пели. Но вдруг кто-то объявил, как в метро:

— Следующая остановка — Васильково.

Посмотрела Маша вниз, а там, за речкой, вся в садах её деревня кудрявится.

— Ой! Меня же там ищут!

...И Маша проснулась. Долго лежала с открытыми глазами, всё никак не могла понять, где это она — то ли в гостях у трёх медведей, то ли у бабушки в Василькове, то ли у себя дома, в Москве, на 13-м этаже.

Мамедова Роксана. Город Пушкино, школа № 3

Мои учителя

Много лет прошло с тех пор, как я окончила школу, но до сих пор вспоминаю своих учителей.

Наш класс был очень дружным, несмотря на то, что ребята были разные. Но учителя смогли объединить нас в один дружный коллектив.

Сколько времени учителя проводили с нами в школе! Как хватало сил на всё? Ведь у них были семьи, дети, которым также необходима была их забота и внимание.

Каждый человек — и маленький, и взрослый — думает о хороших делах. В каждом есть добрые, хорошие мысли. Но поначалу мысль теплится, как искорка. Чтобы искра вспыхнула, нужно её разжечь. Чтобы воплотить мысли в дела, часто нужна помощь. Помогают нам в этом наши учителя.

Оглядываясь на детские и юные годы, я думаю о том, скольких учителей следует поблагодарить за то, что научили, подготовили нас к большой жизни. И всегда меня мучает мысль, что редко мы выражали свою благодарность им. И совсем не оттого, что росли неблагодарными. Просто мы, ученики, не понимали тогда, что снисходительность и терпение учителей нельзя принимать как должное. От учеников должна быть отдача вниманием и делами.

Так важно понимать это.

Да, прошло много лет со школьной поры. Я с благодарностью вспоминаю школьных учителей и сегодня ещё и ещё раз хочу сказать им: «Спасибо вам, дорогие!»

Надеюсь, ребята, что эти слова вы тоже скажете своим учителям.

*Т. И. Михайлова,
автор «Детской Роман-газеты»*

Савченкова Вероника, 15 лет,

школа № 19, г. Москва

Мой любимый школьный учитель

Школа! Ты учишь нас не только читать и писать. Ты открываешь нам дорогу в другой, взрослый мир. Ты готовишь нас к нему, и не хватит слов, чтобы выразить свою благодарность. А какая же школа без учителей?

Хочу рассказать о моём учителе по истории — Игоре Владимировиче. У него большой опыт работы с детьми в школе. Я его очень люблю.

Наш учитель приносит на занятия много дополнительных книг, относящихся к теме урока. Он всегда рассказывает много интересного, чего нет в учебниках. Поэтому уроки Игоря Владимировича очень познавательные. Он придумывает замечательные экскурсии, на которых интересно всем без исключения. Мы с ним ездили в Смоленск, Казань, Санкт-Петербург и приезжали переполненные хорошими впечатлениями от увиденного.

Игорь Владимирович навсегда останется в моём сердце как лучший учитель. И даже когда окончу школу, обязательно буду приходить к нему.

Школа учит нас многому, например общаться друг с другом, но знания дают нам учителя. И ученики должны их за это уважать и ценить.

Иванова Анна, 13 лет,

п. Бреды, Челябинская обл.

Учителю

Чем человек богат? Душой бесценной...

Плоды труда родной стране давай.

И если ты душою вдохновенный,

Твой труд уже приносит урожай.

Есть множество профессий, слушай сердцем...

Богатых много, истинно богат

Лишь тот, кто открывает миру дверцу,

Лишь тот, кто роет разумом свой клад.

Я знаю, труд не лёгок педагога,

А если ты решился, то вперёд.

Взрастить в ребёнке истину народа,

Учить из года в год, из года в год.

Мы ошибаемся, порою мы не правы,

Для нас во всём виновен педагог.

Ведь он душой страдает. Наши нравы

Его из рамок выведут вот-вот.

Он в нас взрастит зерно образования,

Не забывай стараньем поливать.

Мне кажется, что лучше нет призванья,

Чем истинные знания давать.

Я знаю, труд не лёгок педагога,

А если ты решился, то вперёд.

Учитель — вот призвание от Бога,

Учитель говорит за весь народ.

Наш ВЕРНИСАЖ

«Арт Город»

1

2

3

1. Цветков Радислав, 16 лет, г. Адыгейск, «Город моей мечты»
2. Арабаджи Ольга, 14 лет, пос. Весёлый, «К солнцу»
3. Гурьянова Анна, 10 лет, с. Кудиново, «Моё родное село»

Дорогие читатели!

В июле-августе 2010 года
проводится **льготная подписка**
на первое полугодие 2011 года
по ценам **второго полугодия 2010 года.**

Специальный выпуск каталога агентства
«Роспечать» «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ»

Индексы:

72766

для индивидуальных подписчиков

20450

для библиотек

4

«Одухотворение, несущееся из его картин, никогда не забудется. Он создал “стиль Нестерова”, и тот стиль никогда не повторится».

В.В. Розанов

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
В гостях у... трёх медведей

М. Нестеров. Юность Преподобного Сергия. Фрагмент. 1892–1897 гг.

ИМЕНА:
А. Куприн

НАШ ВЕРНИСАЖ

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ:
Живые часы